

Он олицетворял собой совесть

Культура. — 1998. — 15 янв. — С. 2

Трудно смириться с тем, что все люди смертны.

Мы часто забываем об этом. И лишь когда наступает эта тяжелая пора прощания, мы с горем осознаем основной закон человеческой жизни: да, все люди смертны! Для меня лично уход из жизни Георгия Свиридова — удар тяжелейший.

— Александр Филиппович, а у вас лично с Георгием Васильевичем сложились дружеские отношения?

— Я был связан с ним и в творческом плане, и в деловом, и в чисто человеческом. Он действительно был моим истинным другом. Если говорить с чисто профессиональных позиций, Свиридов несравненно обогатил певческий репертуар, выразив наше время, как никто другой из композиторов, сочно и ярко.

— А что новаторского вы видите в его сочинениях? Что привлекает вас?

— Прежде всего феноменально щедрая душа художника. Сочиняя, он не "работал" над рукописями, не придумывал, а жил в музыке. Он внес в свое письмо новые интонации, не искажая исконно русские традиции. Мне кажется, если бы даже я сам не исполнял его песни и романсы, лишь слушал их, ко мне бы пришло то новое ощущение, понимание классики, которое пришло после общения со свиридовской музыкой. Ее потрясающая особенность — предельная простота, строгость, лаконичность. Не случайно же, ознакомившись с циклом "Курские песни", Дмитрий Дмитриевич Шостакович восторженно сказал: "Нот мало, а музыки очень много". Благородная

простота — вот главное достоинство его искусства.

— Благородная простота, помимо, была и главной чертой его характера.

— Безусловно, только не главной, а одной из главных. Основная же — совесть, сейчас огромный дефицит на это свойство человеческой природы. В последнее время я часто ловлю себя на том, что подспудно, в мыслях, вне зависимости от собственного сознания, сверяю свои поступки, действия со Свиридовым. Что бы он подумал в том или ином случае? Как бы поступил? Он действительно являл собой понятие "совесть". Будучи гением, понимал, чувствовал эту особенность своего отношения к окружающему миру, проявляя снисходительность к людям. Зато не прощал злонамеренной подлости и лжи.

— Легок ли он был в общении?

— Очень труден. Не умел притворяться, льстить или прикидываться хорошим. Всегда отличался какой-то особенной щепетильной честностью. И самую большую трудность в общении представляло то, что Георгий Василь-

евич несравнимо высоко поднял планку ответственности. И в общении с ним людям необходимо было дотянуться до этой планки.

— Его уже при жизни называли классиком...

— Еще бы! Музыка его не просто популярна — в сознании людей она стала хрестоматийной, даже вошла в повседневный быт.

Вообще его участие в культурной жизни было сильнейшим и всесторонним благодаря феноменальной памяти, несравненной дисциплине ума. И поражала всегда не только масса знаний, которые словно по "полочкам" были разложены им, систематизированы, но и глубина их. И в литературе, в поэзии, в изобразительном искусстве, архитектуре он часто забывал специалистов. А о музыке и говорить не приходится: беспредельные знания, умение сыграть на рояле в ходе беседы оперные, хоровые, инструментальные произведения разных эпох... Таким его знали мы, его близкие друзья, перед которыми он сполна делился своими знаниями и которым открывал свою душу, богатую и щедрую.

Беседа велась
Мариам ИГНАТЬЕВА